

И. А. Бабич

**СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ НАЦИЯ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (1917—1930-е годы):
МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ ¹**

События 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война, как известно, привели к массовой миграции русских в страны Европы вообще и во Францию в частности. В последнее время вышло множество работ на тему жизни русских в Европе в 1920—1930-е гг. Тем не менее помимо русских в Европе оказались и кавказские народы, не согласившиеся мириться с большевистской властью на Кавказе. В эмиграции кавказцы создали значительное число политических и общественных партий, сформулировали свою теорию построения государства на Кавказе. Базовым понятием в этой теории было признание кавказскими эмигрантами присутствия *кавказской* и *северокавказской идентичности*, что свидетельствовало о способности народов Кавказа к объединению в рамках одного государства. Предлагаемая статья, подготовленная на основе обнаруженных нами во Франции материалов частных архивов кавказских деятелей европейской эмиграции 1920—1930-х гг. и публикаций в эмигрантской периодике, посвящена, с одной стороны, анализу развития идей о северокавказской идентичности в общественной кавказской мысли, а с другой — формированию на практике северокавказских объединений для борьбы за независимость Кавказа ².

Теория «северокавказской идентичности»

В целом в эмиграции 1920—30-х гг. бытовали три точки зрения на такое явление, как «северокавказская нация». Согласно первой, севе-

¹ Приношу огромную благодарность фонду «Дом науки о человеке» (Fondation Maison des sciences de l'homme, Франция) за предоставленную возможность работать в архивах и библиотеках Франции (2009—2011).

² «Archives personnelles de A. Topçibasev», CERCEC, EHES, par autorisation spéciale. Личный архив Алимардан бека Топчибаши, CERCEC, EHES, по специальному разрешению.

рокавказская нация — явление, исторически присущее народам Северного Кавказа. Согласно второй — такой нации нет, но есть условия для формирования ее в будущем, и наконец, были скептики, которые считали, что на Кавказе никогда не было единого народа и что отсутствуют даже условия для его возникновения. Основное различие в позициях заключалось в отношении к существующему на Кавказе этническому, религиозному и, главное, языковому разнообразию народов Северного Кавказа: одни кавказцы считали, что это непреодолимое препятствие для формирования единой северокавказской нации, другие утверждали, что такое разнообразие нисколько не мешает объединению. Так, осетин Барасби Байтуган³ писал:

Многовековая совместная жизнь, общность исторических судеб, одинаковый характер окружающей природы и т. п. создали все необходимые условия для консолидации горцев в нацию. Несмотря на разницу в языке, на всем пространстве Северного Кавказа, от берегов Черного до берегов Каспийского морей, живет *единый народ*, обладающий единой, только ему присущей, культурой, руководствующийся одинаковыми общественно-бытовыми формами и традициями, воспринимающий внешние явления через одну и ту же призму преломления, связанный единым историческим прошлым и в одинаковой степени чтущий это прошлое и его героев, наконец, проявивший волю к совместной жизни и обладающий национальным самосознанием и сознанием своей общности, а также стремящийся, как стремился он и в прошлом, к независимой национальной жизни в пределах собственного государства... горская нация — есть историческое в нас... мы являемся нацией и требуем для себя равноправия [Байтуган 1933: 15, 17—18].

Другой осетин, Бало Билатти, признавал, что действительно «единственно слабым местом нашей организации является его многоязычие, отсутствие единого общего национального языка, однако эта слабая сторона не может подорвать устои *северокавказской нации*». Далее он подчеркивал, что есть «новые антропологические теории, согласно которым *нации уже не отождествляются ни с языком, ни с религией, ни с расой*». Поэтому, по его мнению, язык не является обязательным условием превращения в «монолитную нацию». Б. Билатти указывал:

В свободном Северном Кавказе не должно быть ни аварца, ни кабардинца, ни балкарца, ни осетина, ни чеченца, ни кумыка. Там должны быть только *северокавказцы* [Билатти 1935: 14—17].

³ Байтуган Барасби (Борис) Павлович — осетин (р. 2 июля 1899 г. в ст. Чернойрской, Северная Осетия, ум. в 1986 г. в Мюнхене, Германия), полковник Терского казачьего войска, эмигрант (Грузия, Турция, Чехия), в 1922 г. получил высшее образование, профессия — инженер.

Б. Билатти подчеркивал, что «геополитическое положение Северного Кавказа и общие условия, в коих он пребывает, не говоря уже о настоящем историческом моменте и связанных с ним идеологических течениях, разрушающих у основания старые понятия и доктрины, ставят нас в такое исключительное положение, при котором не только не следует базировать идею национального возрождения на *племенном партикуляризме*, но, смеем думать, и сама мысль о таком партикуляризме является опасной для нашего общенационального дела», поэтому у народов Кавказа нет другого пути, как внедрять идею «национального централизма» [Билатти 1937: 12].

О горском единстве писал и кабардинец Э. А. Бекович-Черкасский:

Мы объясняем наше единство тем, что в горском религиозно-общественном быту лежат основы старых исторических культур, влиявших веками на самобытность горской массы [Бекович-Черкасский 1929: 27].

Джаван уточнял, что следует на базе «принципа единой национальной воли и стремлений созидать государство не *союза племен и народов*, а... *единой, хотя и сложной, нации*». Идеалом политического устройства для народов Северного Кавказа мог стать *кантональный принцип устройства Швейцарии* [Джаван 1936: 15].

Но были и скептики. Грузин М. Мухелишвили признавал, что кавказской идентичности, необходимой для создания нового кавказского государства, пока нет:

Далеко еще то время, когда кавказская национальность сделается живой реальностью. Для настоящего момента это отдаленный идеал, умозрительная цель в будущем. Сейчас нужно довольствоваться меньшим, а именно — требованием *осознания* всеми заинтересованными необходимости объединения и известной широты кругозора, которая позволит пожертвовать эгоистическими интересами отдельных частей в высших интересах общего целого... но пока этого нет [Мухелишвили 1934: 24].

Поэтому те, кто были настроены более реалистично, использовали для построения теории государственности другие понятия, в частности понятия «*кавказской*» и «*северокавказской солидарности*», которые точнее выражают суть происходящего на Кавказе: да, единой нации нет, но между народами существовало и продолжает существовать чувство солидарности, которое и позволяет им, по мнению кавказских идеологов, стремиться к объединению народов в рамках одного государства. Основанием существования такой кавказской со-

лидарности для осетина Тамбия Елекхоти⁴ было наличие «духовного родства кавказских народов». Т. Елекхоти признавал, что в прошлом истории Кавказа между народами вообще и горцами в частности действительно было много разногласий, вплоть до междоусобных войн, но это было связано не с отсутствием кавказской солидарности, а «с определенным этапом духовного развития и характером общественного строя» народов Кавказа. Т. Елекхоти приводил множество примеров проявления кавказской солидарности, например, по мнению Т. Елекхоти, во время восстаний Грузии против России, имевших место в период между 1804—1812 гг., «значительные части из Осетии и Дагестана, которые ранее сами не раз беспокоили Грузию набегами», при возникновении «угрозы... над всем Кавказом» спустились с гор «на поддержку грузин» [Елекхоти 1929а: 3]. Народы Кавказа, по мнению Т. Елекхоти, способны «к собственному государственному творчеству во имя высших государственных идей» [Елекхоти 1929б: 7—10].

О кавказской солидарности как о реальном чувстве кавказской эмиграции писали многие кавказцы. Так, Давид Соломонович Вачнадзе, известный грузинский политический и общественный деятель, кавказовед, член Клуба по изучению Кавказа в Париже в 1920—1930-е гг., все же настаивал на том, что «кавказская солидарность была и есть без России» и что кавказские «народы никогда не вели между собой войн».

Среди северокавказских политиков эмиграции были и более трезвые точки зрения. Член Северокавказской делегации (СКД) Гайдар Баммат подчеркивал, что республики Южного Кавказа в ходе истории далеко не всегда получали поддержку со стороны народов Северного Кавказа:

Горцы, в частности Чечня и Дагестан, никогда не забудут, что окончательное единство Кавказа стало практически возможным для России только тогда, когда она утвердилась в Закавказье и Грузия стала плацдармом для ее наступательных операций.

Поэтому Г. Баммат не питал надежд на формирование единой кавказской идентичности и кавказской солидарности, тем не менее он понимал, что «всякая попытка изолированного разрешения своих национальных задач натывается на такие территориальные, экономические и политические затруднения, которых собственными силами ни один из кавказских народов разрешить не в состоянии... Мы должны твердо помнить, что как бы благоприятно ни сложились для нас внеш-

⁴ Елекхоти Тамбий — осетин (р. в 1889 г. в Дигории, ум. 3 января 1952 г. в Ницце), окончил юридический факультет С.-Петербургского университета, друг Максима Горького, офицер Ингушского полка Дикой дивизии, эмигрант (Турция, Франция, Париж).

ние обстоятельства в момент неизбежного, под внешними и внутренними ударами, развала советской России, Кавказ сможет утвердить и сохранить свою независимость только в том случае, если мы сумеем создать отвечающее геополитической реальности нашей Родины единое, политически централизованное и сильное во всех отношениях *государство*» [Баммат 1936: 3].

Г. Баммат признавал необходимость формирования *политического объединения*, члены которого осознавали бы необходимость ведения совместной борьбы народов, даже если они не чувствуют этнической общности [Баммат 1934а: 24]. Он писал, что «Кавказ должен быть *единым политическим целым, единым государственным образованием*, пределы которого мыслятся нами в национальных границах, справедливо или несправедливо установленных на данный момент историческим ходом событий».

Тем не менее среди северокавказских эмигрантов так думали не все. Российская империя в течение XVIII—XIX вв. воспитала северокавказскую горскую военную элиту, которая, оказавшись в эмиграции, продолжала отстаивать интересы Российской империи. Эмигранты доказывали, что не существует кавказской идентичности вообще и северокавказской в частности. Так, в Париже в 1920—30-е гг. осетин Михаил Николаевич Абадиев⁵ выступил с целым рядом докладов на эту тему: «Задачи и тактика кавказских сепаратистов» (1928), «Задачи и тактика сепаратистов» (1929), «Самоопределение Осетии (в связи с национальным вопросом на Кавказе)» (1935), «Идея солидарности народов Кавказа» (1937), «Демократия и реальная политика» (1939). В них он поставил два ключевых вопроса, связанных с понятием «северокавказской идентичности»: «Могут ли кавказские народы серьезно рассчитывать на государственную независимость в пределах национальных границ? Достаточно ли кавказские народы солидарны между собой, чтобы осуществить такое единство в пределах географических границ?»

Поддерживая самобытность кавказских народов как непреходящую ценность и идею «кавказской солидарности», М. Н. Абадиев, тем не менее, подчеркивал, что «*общекавказская солидарность... есть фикция*», что «никогда не было этой солидарности до прихода русских на Кавказе» [Елехоти 1929а: 2]. М. Н. Абадиев считал, что «установ-

⁵ Абадиев Михаил Николаевич — осетин (р. в 1890 г. (по последним уточненным данным! — *И. Б.*) в г. Ардон, Осетия, ум. 2 февраля 1983 г. в Париже, похоронен на кладбище Сен Женеьев де Буа), подпоручик, окончил Воронежский кадетский корпус и Павловское военное училище, произведен в офицеры Осетинского полкового дивизиона, участник первой мировой войны, эмигрант (Чехия, Прага), окончил Русский юридический факультет (Прага), после 1925 г. проживал в Париже.

ление русского владычества на Кавказе принесло краю просвещение, расцвет и сносную жизнь», и он не видел *оснований* для реального построения независимого государства на Кавказе.

Единственным условием формирования кавказской нации и кавказской идентичности, по его мнению, должно было стать проживание народов Кавказа в составе Российской империи. Он подчеркивал, что только с приходом российской власти в регионе «начался процесс внутреннего объединения...»:

Стерлись внутренние границы. Религиозные, расовые, династические и территориальные притязания, отойдя в чужую юрисдикцию, раскрепостили отношения кавказских народов между собой. Если можно говорить о «кавказской солидарности», то только в эту эпоху. Она рождалась, естественно, независимо от русской администрации. Но успеху ее способствовала принадлежность к русскому миру: школы, язык, пути сообщения, широкое взаимное общение. Кавказские национальные движения развивались на почве русского воспитания и языка [Абациев 1937: 4].

Таким образом, М. Н. Абациев настаивал, что *кавказская солидарность* начала формироваться именно *благодаря России*. После распада империи в 1917 г. Кавказ потерял зачатки и этой общности, и этой солидарности. И он делал вывод: «Ушла Россия, и вновь начались разногласия». Поэтому он отрицал «возможность для кавказских народов *независимого государственного существования*, считая, что «кавказские народы разъединены между собою и духовно, и исторически, и самой окружающей их природой» [Один из слушателей 1937: 25—26], а сами народы Кавказа не обладали способностью к государственному строительству [Елекхоти 1929а: 6]. Был и другой осетин — казак Николай Александрович Бигаев⁶, который призывал эмигрантскую горскую молодежь Северного Кавказа, забыв о «национальном пафосе», объединиться с русскими коллегами [Бигаев 1925: 15].

Кавказцев, которые отстаивали имперские идеи, называли в эмиграции «русскими». Вот что писал об осетине М. Н. Абациеве Р. Габашвили: он утратил свое «национальное самосознание», то есть «обрусел» [Один из слушателей 1937: 25]. По мнению кавказцев-сторонников независимости Кавказа, таких как М. Н. Абациев было мало и

⁶ Н. А. Бигаев — полковник, офицер Российской армии. Во время первой мировой войны состоял в конвое заместника Его Императорского Величества на Кавказе. В 1915 г. был назначен начальником конвоя великого князя Николая Николаевича. Участвовал в белом движении, затем эмигрировал в Чехию (Прага). В 1925 г. Н. А. Бигаев возглавлял Русский общевоинский союз в Чехословакии, принимал участие в Евразийском семинаре в Праге (1928). Был членом русской военной организации (Прага, 1935), возглавлял в Праге организацию под названием «*Кавказское куначество*» (1920—1940-е гг.).

появление их объяснялось пагубным влиянием русской культуры и русской системы воспитания. Их «при звуках пошло-слезливых романсов Вертинского охватывает «мечтательная задумчивость» и они начинают «тосковать по родине... Русская культура заглушила в нем (М. Н. Абадиеве. — *И. Б.*) те национальные начала, которые давали и дают еще многим миллионам возможность сопротивляться как физической, так и моральной ассимиляции» [Хроника 1937: 12—14].

Сторонников «имперских идей» в эмиграции называли «ренегатами, карьеристами, подхалимами, лицами, *потерявшими чувство своей национальной обособленности*, духовную связь с собственным народом, смотрящими на все с точки зрения личной пользы и этой пользе старающимися подчинить интересы народа в целом» [Аноним 1933: 2—3].

К одной из разновидностей этой категории лиц принадлежат наши «отечественные монархисты» (сторонники России монархической) и вообще всякого оттенка «едино-неделимцы», рассеянные в качестве «русских эмигрантов» по различным странам. Нансеновский паспорт для них является символом их близости и «единства» с русским народом и со всем тем, что «Русью пахнет», а не тяжелой необходимостью, наложенной на нас благодаря недомыслию наших высоких покровителей в Женеве. Слово «русская культура» приводит их в благоговейный трепет (далеко не всегда искренний), хотя практические сведения об этой культуре чаще всего черпались ими в русских кабаках и кафешантанах. При слове «самостийность» они впадают в ярость, обвиняя лиц, не потерявших еще способности краснеть краской итальянских патриотов, не потерявших чувства национального стыда, во всех смертных грехах. В своей работе они следуют старым образцам, играя на разъединении, на ослаблении нашего национального фронта... Наши «едино-неделимцы», наши «истинно русские горцы» являются духовными наследниками тех, кто в те времена служили слепым орудием в руках русских и допускали «ссоры чеченских народов с ингушами». Для многих из них деятельность «Осетинской комиссии по обращению осетинцев и ингушевцев в христианство»... наполнившей Осетию (и Абхазию) пьяными русскими попами и гомосексуалистами монахами-миссионерами, разделившей осетин и абхазцев на две разнорелигиозные части, является также одним из «благотворных» проявлений «русской культуры».

Среди северокавказцев были и такие, которые стали изгоями в своих национальных сообществах, получив клеймо «русский». Такой фигурой стал, например, осетин Лазарь Феодорович Бичерахов — генерал Российской армии⁷. Он пытался участвовать в политической

⁷ Бичерахов Лазарь Феодорович — осетин (р. 23 августа 1880 г. в ст. Осетинской, Терская обл., ум. 22 июня 1952 г. в Дорнштадте,

жизни северокавказцев в эмиграции, вступил в Народную партию горцев Кавказа, но был из нее исключен. Пытался участвовать в заседании Совета Кавказской Конфедерации (КК) в 1938 г., и вновь азербайджанцы отказались работать в Совете, как только там появился Бичерахов. Мы нашли письмо Алимардана Топчибаши, посланное им 17 июня 1929 г. на имя председателя Северо-Кавказской республиканско-федералистической партии (Стамбул) [Топчибаши Алимардан: VI]. А. Топчибаши писал, что «азербайджанская делегация, как только узнала об участии в северокавказских делах генерала Бичерахова, заняла резко отрицательную позицию». Любопытно, что в черновике письма А. Топчибаши называл Бичерахова «русским генералом», однако в чистовике этого выражения уже не было. Кроме того, А. Топчибаши получил еще два письма против Л. Ф. Бичерахова, подписанных 39 дагестанцами и 50 горцами Северного Кавказа, проживавшими в Стамбуле.

По нашему мнению, «пророссийски» настроенных кавказцев в европейской эмиграции было немало. Все они — плод проводимой в течение XIX в. политики России по созданию кавказской элиты с пророссийскими взглядами [Бабич 2008: 171—186]. Данная политика оказалась настолько успешной, что, даже после того как Российская империя перестала существовать, эти люди, прожив многие годы в эмиграции, не могли или не хотели менять свои взгляды. И это явление с точки зрения историка чрезвычайно любопытно. Чаще всего кавказцы с пророссийскими взглядами не принимали активного участия в общественной и политической жизни в эмиграции, жили своей частной жизнью и сохраняли верность империи и императору Николаю II и данным им в свое время военным присягам. Например, жил в эмиграции, в Праге и Париже, осетин Семен Андреевич Хатаев, казак Терского казачьего войска. Еще в России он окончил реальное училище во Владикавказе, учился в С.-Петербургском институте инженеров путей сообщения. Жил тихо, посылал свои статьи в эмигрантские журналы «Русский современник» (Париж) и «Казачий путь» (Прага), поддерживал русских демократов и П. Н. Милюкова, однако заметного следа в эмигрантской жизни не оставил.

Был еще один осетин — Исмаил Васильевич Баев, один из трех братьев Баевых, оказавшихся за границей, в эмиграции. Наиболее известным стал Георгий Васильевич Баев (1868—1939), юрист, адвокат, сделавший научную карьеру в Германии. Он жил в Берлине и работал в университете, на кафедре осетиноведения. Г. В. Баев по поручению

Германия, в доме для престарелых), генерал-лейтенант Российской армии, окончил Алексеевское военное училище, Георгиевский кавалер, служил в Терском казачьем войске, возглавлял союзное Кавказско-Каспийское правительство, эмигрант (Лондон, Париж, 1919 г.).

Лондонского Библейского общества перевел Библию на осетинский язык, издавал памятники прошлого Кавказа. О втором брате, Иване Васильевиче, мало что известно кроме того, что он жил в эмиграции во Франции и умер в 1982 г. в Русском доме в Кормей-ан-Паризи, а вот третий брат, Исмаил Васильевич, жил в эмиграции в Сербии, в Белграде. Исмаил Баев открыто отстаивал необходимость сохранения Северного Кавказа в составе России, считая, что горцам «не следует стремиться к национальной независимости».

Надо сказать, что среди сторонников «имперской ориентации» были и закавказцы, например, крупный армянский промышленник Абрам Осипович Гукасов (Гукасянц). Будучи членом Ассоциации нефтепромышленников — мусульман Кавказа и Лиги промышленников, коммерсантов и финансистов — армян Кавказа (Париж), вместе со своим братом Павлом финансировал сохранение армянской культуры (фонд братьев Гукасовых, Женева), тем не менее и в эмиграции он оставался сторонником Российской империи. Именно он основал и финансировал крупную эмигрантскую русскую газету «Возрождение». В 1969 г. в этой газете был опубликован некролог по поводу смерти А. О. Гукасова, подписанный В. Нерселяном, который писал следующее: «Еще при жизни Абрам Осипович часто сам говорил о себе так: „Вот армяне считают меня изменником. Я же для них работаю. Освобождение России есть кратчайший путь для решения и армянской проблемы. И единственный путь — другого нет“». Поэтому А. О. Гукасов и стремился восстановить Российское государство, а его часто упрекали в том, что он «обрусел». Тем не менее сам Абрам Осипович подчеркивал, что «Российская империя осуществляла культурное развитие всех народов империи». Как подчеркивал в некрологе В. Нерселян, из-за этого его часто не понимали и не принимали ни армяне, ни русские [Нерселян 1969: 76].

В основе различий между «прорусской» и «прокавказской» позициями в эмигрантской среде 1920—1930-х гг. лежала оценка *истории русско-кавказских отношений, русской власти на Кавказе, роли русской культуры и последствий для народов русской политики на Кавказе*. Сторонники прорусской позиции утверждали, что «Россия благодетельствовала Кавказ, что народы Кавказа перегрызли бы друг другу горло, если «не висела над ними русская палка» [Абадиев 1937: 4]. Т. Елекхоти считал, что это не так, что народам Кавказа присуща кавказская солидарность и без России они смогли бы жить друг с другом мирно.

Северокавказские националисты считали имперскую Россию «тюрьмой народов» [Байтуган 1932а: 10], определяя русскую политику на Кавказе как «русификаторско-экстерминационную» [Василевский 1929: 29], а русскую идеологию на Кавказе — «*руссофобским национализмом*» [Жанай 1929: 22—24]. И. Чулик подчеркивал, что в

XIX в. на Кавказе шла настоящая колониальная борьба, причем «русская историческая литература крайне бедна сочинениями беспристрастного освещения этой вековой борьбы горцев Кавказа с Россией [Чулик 1930а: 17]. Установление русской власти помешало развитию собственной, исламской государственности на Северном Кавказе [Нартан 1930: 23—25].

Кабардинец Владимир Николаевич (Эльбуздук Канаметович) Кудашев⁸, издавший в России (1914) свой известный труд «Исторические сведения о кабардинском народе», в 1936 г. опубликовал в Париже статью под названием «Заметки кабардинца», в которой он, человек, получивший российское образование и бывший до революции «проимперски» настроенным человеком, стал высказывать прямо противоположные взгляды. К этому времени ему было около 70 лет. Он писал следующее:

Дружественные отношения Кабарды с Москвою восходят к временам российского царя Ивана Грозного... Вот с каких давних времен возникла наша связь с Россией. И с тех пор до самого падения императорской власти мы были честно верны единению с Россией, выступая на защиту неприкосновенности и достоинства русского государства во всех войнах, которые только Россия вела. Но когда многовековые государственные устои рухнули и страна стала быстро разваливаться и кагититься в пропасть, мы, естественно, задали себе вопрос: как нам быть — следовать за Россией или нет? Явилась более ясная критическая оценка всего прошлого, и национальная наша независимость была подсказана самим ходом событий... Мы, со своей стороны, были верны государственному единению с Россией, но что нам дала русская власть? Кавказ находится под владычеством России 75 лет. Ничего не дала!.. 1) народное просвещение было в полном запустении; 2) пути сообщения в первобытном состоянии; 3) торговля и промышленность почти не развивались, даже добыча нефти и то была в основном в руках иностранцев. Зато Россия может похвастаться тем, что насадила в нашем крае военно-народное управление, куда приглашались на службу господа офицеры, исключенные за порочное поведение из своих полков.

⁸ Владимир Кудашев — кабардинец (р. 14 апреля 1865 г., ум. в Нальчике в 1945 г.), князь (дворянин), с 1894 г. состоял в церковном браке с Анной Елисеевной Коченовской (р. 2 мая 1866 г.), православный, окончил Московский университет, работал провизором аптеки, стал коллежским советником, а со временем и меценатом, издал в Киеве в 1913 г. книгу «Исторические сведения о кабардинском народе». До революции В. Н. Кудашев проживал в Киеве, имел собственный дом в центре города, в 1918 г. продал дом, планируя переселиться в Кабарду, в 1919 г. вступил в Добровольческую армию, делал пожертвования на ее содержание. В том же году эмигрировал во Францию, вначале жил в Каннах, потом — в Ницце, свою жизнь закончил в 1945 г., проживая в Русском общежитии для стариков Красного Креста и получая помощь от русского фонда «Земгора».

Эти офицеры назначались на должности уездных и окружных начальников и, являясь низшими агентами власти, ближе всего соприкасались с народной массой, применяя сравнительно гуманные русские государственные законы вкривь и вкось, по собственному усмотрению, подрывая этим доверие к государственной власти и к монарху. Так как они были люди сомнительных нравственных качеств, то обирали темный народ без зазрения совести, брали во всех видах, не брезгуя ничем. Приходили к нам бедняками «на кривых каблуках» и уходили от нас помещиками. Эти незаконные действия властей не ускользали от населения. Оно видело все это прекрасно — люди терпели со скрежетом зубным и все это мотали себе на ус. Теперь, когда уже нет более былых исторических основ нашей связи с Россией, мы можем сказать: отныне Кавказ для кавказцев — довольно с нас 75-летнего опыта. Мы хотим жить свободной независимой от России жизнью и свободно дышать полной грудью своим чудным горным воздухом. Опека ваша, русские, нам не нужна — вы слишком оказались плохими опекунами. Мы дошли до полной нищеты в этом благословенном крае, в котором где ни копнешь лопатой, то нефть, то руда, то целебные минеральные источники. Всем этим богатством Россия сама не сумела воспользоваться и нас ничему не научила. Довольно. Нам осталось ждать меньше, чем мы ждали. Всем существом своим мы чувствуем, что близок час, когда наша дорогая родина освободится от большевизма и все мы дружно примемся за работу по объединению народов Кавказа и формированию Кавказского федеративного государства [Кудашев 1936: 28—31].

Северокавказцы-«националисты» негативно относились не только к русской власти в регионе, но и к *русской культуре*. Русская культура — это «московская азиатчина», которая близка рязанскому мужику, но «совершенно чужда вольному сыну гор» [Нартан 1930: 18]. Грузинский деятель Р. Габашвили «наглядно доказал на основании непреложных исторических данных *старшинство кавказской культуры по сравнению с культурой русской* и, напротив, пагубность влияния и владычества России для всех без различия кавказских народов... В те времена, когда просвещенные грузины, а равно и армяне, переводили на свои языки Евангелие и др. богословские труды, русской государственности не было и в помине», — заключал Р. Габашвили [Один из слушателей 1937: 25]. И. Чулик подчеркивал, что «в России господствующая и наиболее многочисленная народность составляла лишь 43,3 % всего населения, причем «инородческий» элемент в значительной своей части *превосходил культурой и общественной организованностью господствовавших великороссов*» [Чулик 1930б: 5—6].

Б. Байтуган в статье «Нужно ли это?» ставил вопрос о роли русской культуры в жизни горцев Северного Кавказа. Он писал:

Общечеловеческая ценность русской культуры — относительна. Главной особенностью этой культуры является ее подражательный, за-

имствованный характер. Все определяющие ее факторы, начиная с христианства и кончая марксизмом, были импортированы на русскую почву с Запада и Востока... Но особенно опасным свойством русской культуры является ее необыкновенная агрессивность, воинствующий шовинизм, ее нетерпимость к иным с ней соседящим культурам. Всю историю русского народа можно охарактеризовать как постоянное стремление распространить свою политическую власть и свой язык, религию и культуру на возможно большее число иных народов, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность. Идея всемирного владычества, практически проводимая государственной властью, теоретически отображалась в идее «мессианства» — особого культурного предназначения русского народа, которой не было чуждо ни одно из идеологических течений, существовавших (и существующих) в русском обществе [Байтуган 1932б: 28—29].

О пагубном влиянии русской культуры на жизнь горцев писал кабардинец Эльмурза Бекович-Черкасский:

Многие горцы из плоскостного населения, соседственного к городским центрам, в своих сношениях с городом знакомились часто с *пагубными сторонами городской жизни*, вследствие чего в патриархальных горских аулах все больше слабели так сильные некогда устои семейно-общественной жизни и дух народа... В итоге всего в народе чрезмерно развивался религиозный мюридизм, шейхизм, абречий разбой и другие нездоровые симптомы недовольства духа судьбой, и толщцы народа стремились жить обособленно и замкнуто от окружающего их русского влияния, подчиняясь своим бытовым традициям и адатам [Бекович-Черкасский 1929: 27].

Трагедия кавказцев состояла в том, что они, отвергая русскую культуру, тем не менее были вынуждены пользоваться в эмиграции русским языком. Большинство кавказских журналов в эмиграции издавалось на русском языке. Горским лидерам приходилось своим читателям объяснять причины использования русского языка. Так, Г. Баммат подчеркивал, что журнал «Кавказ», издаваемый на русском языке, обращался не к русской аудитории, а к кавказскому читателю, а использование русского языка при этом объяснялось *«историческими условиями»*, в силу которых *«общим для нашей национальной эмиграции пока еще является русский язык»* [Баммат 1936: 6]. Поэтому формирование единого государственного языка для независимых государств Кавказа вообще и Северного Кавказа в частности было одной из ключевых проблем в эмигрантской общественной мысли на протяжении 1930-х гг. Горцы писали: «Будем надеяться, что через 5—7 лет после восстановления независимого горского государства русский язык будет символически, но торжественно сожжен на костре перед памятником нашей независимости» [Коста 1934: 21]. В качестве госу-

дарственного на Кавказе предлагалось признать один из следующих языков: эсперанто, один из европейских языков, один из тюркских языков (например татарский или, как его называли, кавказский тюрко-татарский), турецкий язык на латинской основе [Халил 1934: 32—34], адыгейский язык [Каншав 1935: 25—28].

Для понимания теоретических оснований и возможностей формирования общей *кавказской идентичности* и объединения кавказских народов очень важна обнаруженная нами в архиве А. Топчибаши его рукопись под названием «К вопросу о возможности объединения эмигрантов-кавказцев (азербайджанцев, армян, грузин и северокавказцев) в Париже и вообще за рубежом», датируемая нами ориентировочно 1931 г. [Топчибаши Алимардан: V; Топчибаши Аликбер: III]. Одним из препятствий к объединению народов Кавказа является язык. Алимардан Топчибаши писал:

В сношениях между собой народы Кавказа, не имея, к сожалению, общего языка, вынуждены пользоваться русским языком в продолжение более ста лет. Этот язык стал поневоле общим, заставшим народы Кавказа в период отделения от бывшей России и образования республик... Правительства этих последних вынужденно вели свои сношения на этом языке между собой, при посредстве его происходили и происходят наши конгрессы, совещания, комиссии и пр., равно как и здесь между официальными кавказскими органами, лишь иногда прибегающими в сношениях между собой к помощи французского языка. Усвоить этот последний более или менее удовлетворительно возможно лишь среднему и особенно молодому поколению, учившемуся во французских учебных заведениях... При всех достоинствах французского языка как международного и при всем сознании необходимости усвоения этого языка невольно заставляет (так в оригинале. — *И. Б.*) кавказских деятелей указанных категорий прибегать и теперь к помощи русского языка, которым большинство из них владеют почти в совершенстве и на котором долготее им пользование приучило их мыслить, говорить, писать, зачастую, к сожалению, даже в ущерб родному языку... Такова действительность и надо иметь мужество брать ее такой, как она есть, и извлекать возможную пользу для общих интересов Кавказа, как бы употребление русского языка в сношениях между кавказскими народами ни било сильно по нашему национальному самолюбию, как бы оно ни стесняло и ни угнетало нас своим несоответствием и даже некоторым противоречием с провозглашенной нами независимостью наших народов... Существующие в эмиграции печатные органы на родных языках, как и на языках французском и русском, имеют свое назначение, но ни один из них не играет роли доступного общекавказского органа ни по форме, ни по содержанию.

В 1935 г. в Варшавском Восточном институте под председательством его директора С. Седрецкого была образована специальная Ко-

миссия, которая занялась разработкой унифицированного алфавита для языков Северного Кавказа и созданием «общего межплеменного языка для всех северокавказских племен». Членами комиссии стали северокавказцы Б. Хурш (Хуршилов), Х. Кумуз, М. Чукуа, Б. Байтуган, Ж. Жавжоко, Б. Билатти, Ю. Умаш. На комиссии было принято решение «в качестве основы будущего северокавказского унифицированного алфавита» использовать «так называемый новый тюркский алфавит, вводимый советским правительством во многих восточных „автономиях“, в том числе отчасти и на Северном Кавказе... При выборе же межплеменного языка Комиссия остановила свой выбор на кумыкском языке... Решено в этот язык внести те слова, которые являются общими для большинства племенных языков Северного Кавказа» [Кадзаев 1935: 26].

Практика формирования северокавказских объединений в европейской эмиграции в 1920—30-е годы

Организации северокавказцев в Европе вообще и во Франции в частности можно поделить на два типа: организации благотворительного характера, чья деятельность была направлена главным образом на оказание помощи тем, кто эмигрировал с Северного Кавказа в Европу, и организации политического характера, чья деятельность была направлена либо на борьбу за освобождение Северного Кавказа от советской власти, власти большевиков, либо на восстановление российской имперской власти в России в целом и на Северном Кавказе в частности.

В 1920—30-е гг. во Франции было создано несколько благотворительных организаций. Первая попытка создать такую организацию датируется 1919 г., когда была образована *Ассоциация горцев Кавказа*. Инициаторами ее создания стали адыги Измаил Шаков (1878—1945) и Айтек Намитоков (1885—1963). Следующая благотворительная организация была создана в Париже в 1925 г., и называлась она так: *Комитет по оказанию помощи беженцам Северного Кавказа* (другое название — *Комитет по оказанию помощи беженцам-черкесам Северного Кавказа в Париже* — *Comite de Secours des Refugies Circassiens du Caucase du Nord a Paris*). При Комитете работала касса помощи (*La Caisse de Secours des Refugies Circassiens du Caucase du Nord a Paris*). Инициатором организации данного Комитета был ингуш Мурзала Муссиевич Куриев⁹ (1882—1952), который занял пост заместителя

⁹ Куриев Муртазала — Отец М. Куриева служил в императорском конвое. Муртазала окончил реальное училище во Владикавказе и военное училище в Тифлисе. Вышел офицером в Туркменский конный дивизион в Ашхабаде. Затем служил в Польше, был участником русско-японской войны.

Председателя Комитета, а его председателем стал российский генерал-майор Генерального Штаба кабардинец Константин Николаевич Хагандоко (Хагандоков) (1871—1958). Комитет находился в Париже на бульваре Осман (д. 35).

Деятельность Комитета заключалась в первую очередь в проведении благотворительных балов. Например, в архиве Алимардана Топчибаши мы нашли приглашение на его имя на бал, проводившийся 17 января 1925 г. в Париже, в зале Георга. На балу выступали оперные певцы Ида Рубинштейн, Нина Кошиц, Дмитрий Смирнов, балерина Ольга Преображенская, артисты московских театров Никитина и Ефремова, певец и конферанс армянин Ашим — Хан Мануков, Рафаэль. В заключение Натальей и Дмитрием Поляковыми исполнялись черкесские танцы. Следующий благотворительный бал проходил 6 июня 1925 г. в отеле Кларидж (Claridges) [Топчибаши Алимардан: II].

В 1928 г. в Париже появилась еще одна благотворительная организация — *Объединение дам — черкесских беженцев Северного Кавказа во Франции (L'Union des Dames Circassiennes refugiees du Caucase du Nord en France)*. Офис Объединения находился в 15-м округе [Топчибаши Алимардан: I]. Секретарем Объединения стал кабардинец Мац Шамудинович Шогенов (1900 — 1952). 11 февраля 1928 г. Объединение проводило благотворительный концерт в зале Жан-Гулон [Топчибаши Алимардан: II]. В концерте выступали принцесса Мария Вачнадзе (опера), Г. Ф. Леонов (опера), Мария де Гонич (шансон), Александр Мозжухин (песни), Мария Тиканова (балет), Симеон Троянов, Валентина Кузнецова (кабаре), Ашим-Хан Мануков, МС. Балачев (Топчибаши Алимардан: VII). Подобные балы были и позднее. 29 января 1930 г. состоялся совместный бал Объединения черкесских беженцев Северного Кавказа во Франции и Дамского общества черкесских беженцев Северного Кавказа. 26 декабря 1931 г. состоялся новый бал Дамского общества черкесских беженцев Северного Кавказа. Бал проходил по адресу: Версальское авеню, д. 147 [Топчибаши Алимардан: I].

В архивных материалах 1932 г. фигурировала еще одна благотворительная организация — *Дамское объединение осетинских беженцев Северного Кавказа во Франции*. Офис организации располагался в 15-м округе Парижа. Они также проводили благотворительные балы, в ча-

В Ингушетии входил в специальный отряд для борьбы с «абреком» Зелым-Ханом. Во время первой мировой войны сражался в рядах Чеченского конного полка в составе Дикой дивизии. Был контужен, дослужился до подполковника. Во время гражданской войны командовал в Добровольческой армии Ингушским полком. В эмиграции М. Куриев жил во Франции, был материально обеспечен, так как продал нефтяные участки, которыми владел до 1917 г., поэтому, создавая Комитет, он думал о других северокавказцах, нуждавшихся в помощи.

стности, был проведен бал 6 февраля 1932 г. [Топчибаши Алимардан: I]. Другой бал состоялся в 1934 г., и организация, проводившая его, фигурировала под названием *Союз осетинок в Париже*. На осетинских балах выступали Таня Аверкиева, М. Аксарина, балерина Люся Арцыбушева, Бурже, танцовщик Борис Князев, певица Анна Зарудная, певец Георгий Дубровский, А. Гамалей, гитарист Сергей Николаевич Кротков, исполнительница цыганских песен Татьяна Максимова, А. В. Михайлов, артистка русской оперы Анна Андреевна Новикова, певица Надежда Васильевна Плевацкая, С. Руднева, балалаечник Карп Тер-Абрамов.

В 1932 г. в Париже для оказания помощи горцам-эмигрантам во Франции возникает другая организация — *Ассоциация беженцев-горцев Северного Кавказа (Общество горских народов Северного Кавказа)*, членами которой также были и М. Куриев и К. Хагондоков [Топчибаши Алимардан: IV]. Ее президентом стал кабардинец Руслан Джанбеков, вице-президентом — дагестанец Ахмед-Хан Аварский¹⁰, генеральным секретарем стал *Алимардан Топчибаши*, казначеем — кумык Рамазан Бикежев. Кабардинец *Руслан Джанбеков* попал в эмиграцию молодым человеком, был сначала служащим, танцором, а с 1927 г. стал ратне и одним из основателей мasonicкой ложи «Прометей» (1926—1931). Членами Ассоциации стали: Патиш Отпанов, Батыр бек Сикоев, Борок Бжегаков, Джамал Албогачи¹¹, Саид Эмин Тукаев¹², Варлаам и Иван Шервашидзе¹³, А. Бадиев, И. Шаков, А. Намиток, М. Чермоев, И. Шакманов, Е. Чермоев, М. Ш. Шовгенов, Дойдаш Зукаев, Султан Келеч Гирей, Абу бекир Чермоев, М. Абуков, Х. Чермоев, М. Хатгогу. Офис организации располагался в 8-м округе Парижа на улице Верноулли (д. 15). 27 марта 1932 г. было проведено общее собрание горской молодежи Франции, на котором была создана *Касса взаимопомощи горцев Кавказа*. На собрании присутствовали 32 человека, среди которых А. Аварский, Барагушев, Барачук, К-Х. Бессолти, Джавиташвили, Кази Хан, П. Отпанов, Уцлиев, Эльдаров, Беслениев, Давидашвили, Довусоков, Дж. Кануков, Кармов, Г. Я. Туаев,

¹⁰ Аварский Ахмед-Хан — дагестанец (р. в 1895 г., ум. в 1937 г., похоронен на мусульманском кладбище в Бобиньи, Франция), офицер Российской армии, Георгиевский кавалер, участник Корниловского мятежа в Петрограде, в 1918 г. эмигрировал во Францию.

¹¹ Албогачи Джамал — ингуш, в эмиграции с 1919 г., проживал в Париже, был обеспеченным человеком, в 1934 г. стал издателем журнала «Северный Кавказ».

¹² Тукаев Саид Амин — чеченец, капитан французской армии, промышленник.

¹³ Остальные члены ассоциации не фигурируют в других материалах: черкес *Борок Бжегаков*, кумык *Рамазан Бикежев*, абхазы *Шервашидзе Варлаам* и *Иван*, кабардинец *Патыш Отпанов*, осетин *Батыр бек Сикоев*.

Тукоев, Хакуро, Девлет Шакманов, Шеретлоков. Подчеркнем, что большинство из перечисленных людей не участвовали в политической жизни эмигрантов во Франции и в других эмигрантских материалах этого периода не фигурировали.

4 ноября 1928 г. в кафе «Гонглоф» на авеню Bourdonnais состоялось первое общее собрание Парижского отдела *Объединения интеллектуальных черкесов*, созданного в Сирии в 1928 г. (*Union intellectuelle circassienne*). Цель Объединения состояла в изучении истории черкесских народов. В парижское кафе пришло много местных адыгов (кабардинцев и черкесов), среди которых были уже упоминавшиеся выше И. Шаков и А. Намиток, а также Т. Шакманов¹⁴, М. Абуков, Амин-бей [Хроника 1928: 15].

В 1925 г. в Париже было образовано *Осетинское национальное объединение*, председателем которого стал упоминавшийся выше М. Н. Абадиев, а членами правления стали А. Сикоев, А. Худалов (казначей) и Б. Цараев. В 1930 г. на базе этой организации появилось *Объединение осетин во Франции*, председателем которого опять-таки был М. Н. Абадиев, членами правления — К. Латиев (казначей), А. Н. Бурнацев (секретарь)¹⁵, уже на следующий год ставший председателем объединения. В 1930 г. А. Н. Бурнацев вместе с Д. Дзанти (позднее подключился и Б. Цараев) организовал и *Институт осетиноведения*, который с перерывами работал более 20 лет, а затем трансформировался в *Академический центр по кавказологии* (1955 г., Париж). Интересно, что среди северокавказцев-эмигрантов только осетины стремились к научным изысканиям в области кавказоведения. Д. Дзанти представил эмигрантской общественности целый ряд докладов, в том числе: «Осетинский народ — праотец языков индоевропейских народов», «История осетин и ее значение», «Обычаи осетин». Большую роль в деятельности осетинского института сыграл Н. К. Рерих. Институт был частью Европейского центра Музея академика Н. К. Рериха и этим центром финансировался. Осетины начали издавать научные журналы «Осетия», «Осс-Аланы». В 1928 г. в Париже были организованы курсы осетиноведения и осетинского языка, в чем большую роль сыграл Дмитрий Николаевич Воронец — генерал от инфантерии Генерального

¹⁴ Шакманов Тау-Султан Келеметович — балкарец (р. 3 июля 1885 г. в Нальчике, ум. после 1952 г.), окончил горскую школу в Нальчике, в 1908 г. окончил Харьковский технологический институт, затем — юридический факультет Московского университета, работал присяжным поверенным во Владикавказе, был адвокатом, председателем Кабардинского национального комитета, был членом Кабардинской бригады Добровольческой армии. С 1924 г. в эмиграции, жил в Париже и работал на фабрике духов Убиган.

¹⁵ Бурнацев Александр Константинович — осетин (р. в 1897 г., ум. 16 июня 1971 г.), эмигрант (Франция), работал водителем такси.

штаба, ставший историком осетинского народа. В 1928—1929 гг. он работал преподавателем осетинского языка в Школе восточных языков в Париже. Его сын, Г. Д. Воронец, продолжил работу отца, стал организатором при Школе курсов осетиноведения и осетинского языка. В 1931 г. было образовано объединение под названием *Осетинский аул в Париже*, членом которого стал полковник Российской армии осетин Илья Гаврилович Джанаев.

В 1933 г. в Лионе образовалась мощная горская диаспора, которая решила создать общественную организацию — *Братство горцев Кавказа в Лионе*. Ее лидером стал дагестанец Абдул-Муталим Бабаев. Братство было создано для организации взаимопомощи, поэтому в первую очередь была образована касса взаимопомощи, для чего каждый член братства должен был сдать 10 франков [Хроника 1933: 31].

Первая северокавказская политическая организация в европейской эмиграции появилась в Праге (Чехия) в 1924 г. Объединение называлось *Союз горцев Кавказа*. Председателем его стал осетин А. Цаликов¹⁶, секретарем — осетин В. Вазагов. Руководство сразу решило издавать журнал «Кавказский горец», редактором которого стал Мурат Хатгогу¹⁷. Формально этот журнал — литературный и научный. Его лозунгом стала фраза «Сильный человек и водопад везде проложат себе дорогу». Главной задачей было «служение делу *национально-культурного возрождения и экономического благосостояния горских народов Кавказа*». Редакция подчеркивала, что журнал принципиально «не занимается чисто политическими вопросами, как вопросами, могущими *разъединить горцев-эмигрантов*». Цель движения и журнала — *единение*. Вначале движение имело большую популярность среди горцев Чехии, и многие вступили в союз, однако со временем молодежь стала отходить от союза, потому что членам объединения и редколлегии журнала не удалось «отойти» от политики: среди них оказались люди с диаметрально противоположными политическими взглядами [X., 92—93]. Первые разногласия появились довольно быстро, в том же году, и уже 8 августа 1925 г. было созвано экстренное

¹⁶ Цаликов Ахмет Нимболатович — осетин (р. в 1882 г. в Нокгау, Северная Осетия, ум. 2 сентября 1928 г. в Варшаве), окончил Ставропольскую гимназию (1899), юридический факультет Московского университета (1907), глава Мусульманского Совета в России, делегат съездов мусульман (1917).

¹⁷ Хатгогу Мурат — кубанский черкес (дата рождения неизвестна, ум. после 1931 г.), получил юридическое образование в Российской империи, участник Первого свободного съезда представителей горских народов Кубанской области и Черноморской губернии (1917), в 1919 г. после отставки Султан Шахим-Гирея занял пост заместителя Кубанской Законодательной Рады, в 1919 г. был арестован денкикинцами и выслан за границу, эмигрант (Чехия, Прага, 1923 г.).

общее собрание ввиду внутренних разногласий. Прежнее руководство (А. Цаликов и В. Вазагов) сложило свои полномочия. А. Цаликов переселился на жительство в Варшаву и позднее вступил в НППК. В новое правление были включены осетин Кази-Хан Бесолов, аварец А. Магомаев. Председателем стал М. Хатгогу, его заместителем — А. Магомаев¹⁸, секретарем — Кази-Хан Бесолов, казначеем — К. Гульдиев¹⁹, членом правления — Эльмурза Бекович Черкасский [Хроника, 1925]. В Брно был открыт филиал союза, председателем которого стал осетин Б. Байтуган, а секретарем — Мустафинова. В 1932 г. Б. Байтуган, анализируя неудачи в деятельности «Союза горцев», утверждал, что эта организация была «примером разношерстного объединения... куда входили и горцы-националисты, и горцы-монархисты, „галиполийцы“, милюковцы, и даже один евразийствующий». Разумеется, это не могло не вызывать острых политических дискуссий [Байтуган 1934а: 8—9].

На обломках «Союза горцев Кавказа» в 1927 г. была образована *Народная партия горцев Кавказа (Народная партия вольных горцев)*. Ее генеральным секретарем стал Саид Мухаммад Шамиль (1901—1981), внук крупного деятеля Северного Кавказа XIX в. имама Шамиля. Он приехал в Прагу в конце 1926 г. и провел первое заседание новой ячейки 18 ноября [Байтуган 1929: 3—4]. Центр партии был в Стамбуле, но довольно скоро появились пражское и парижские отделения партии. Осетин Т. Елекхоти стал председателем отделения партии в Праге [Елекхоти 1934: 13]. Однако деятельность и этой партии была малопродуктивной, и к 1929 г. в партийных рядах наступил «кризис», что показывает общее собрание членов Парижского отдела партии [Топчибаши Алимардан: VI]. Главным виновником развала партии стал, по мнению членов партии, Саид Шамиль. Соратниками С. Шамиля кроме Бичерахова были балкарец Магомет Гирей Суншев и аварец Багаудин Хуршилов²⁰. Всем им выражено недоверие «за разлагающую и вредную деятельность... в ней в настоящее время и за предательское кровавое подавление освободительного движения народов Кавказа в прошлом». Общее собрание Парижского отделения

¹⁸ Магомаев Ахмет Наби — дагестанец, 1897—1961, окончил реальное училище в Темир-Хан-Шуре, инженер, председатель Андийского окружного Национального совета, в эмиграции с 1920 г., жил в Праге, где получил высшее образование, профессор физики и механики, заведовал кафедрой в Пражском высшем техникуме, затем переехал в Париж.

¹⁹ Гульдиев Константин Д. — осетин, казак, сотник в Терском казачьем войске, эмигрировал в Чехию, окончил Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге.

²⁰ Хуршилов Багаудин — аварец (р. в 1895 г., дата смерти неизвестна), до революции окончил Елисаветградское кавалерийское училище, служил полковником Генерального Штаба, в эмиграции обосновался в Париже.

партии приняло решение об организации *Общегорского центра* (названного впоследствии Национальным Советом республики Северный Кавказ), в который пригласили войти «все национальные течения политической северокавказской мысли, стоящие на базе освобождения и независимости родины». Парижский Исполнительный Комитет было решено реорганизовать во Временный Центральный Комитет Народной партии горцев Кавказа для образования Общекавказского центра. На собрании было принято решение о снятии Саида Шамиля с должности генерального секретаря и о привлечении С. Шамиля и его трех соратников (Л. Бичерахова, М. Суншева и Б. Хуршилова) к партийному суду [Топчибаши Алимардан: IX]. В программном документе говорилось:

Национальный Совет имеет задачей *объединение и руководство деятельностью всех национальных политических и общественных организаций народов Северного Кавказа*, стремящихся к освобождению страны от иностранной оккупации и созданию независимой Северо-Кавказской республики в составе КК (Азербайджан—Армения—Грузия—Северный Кавказ)... Создание светского государства, построенного на основах мирового народовластия, обеспечивающего за всеми гражданами без различия пола, национальности и вероисповедания разные гражданские права... Восстановление частной инициативы и признание частной собственности, индивидуальной и коллективной, с теми ограничениями, которые предусматриваются законодательствами передовых демократических европейских стран.

Форма будущего государства — демократическая республика. Национальный Совет был составлен из полномочных представителей всех политических партий и общественных организаций Северного Кавказа — *партии федералистов Северного Кавказа, национал-демократической партии, Народной партии, Парижского национального объединения*. Состав членов Национального Совета: осетин А. Кантемир, кабардинец П. Коцев, дагестанец Д. Мусалаев, дагестанец А. Аварский (от партии федералистов Северного Кавказа), кабардинец И. М. Шаков, кубанский черкес М. Хатагогу, аварец А. Н. Магомаев, ингуш В. Г. Джабагиев (от национал-демократической партии), кабардинец К. Н. Хагондоков, осетин И. Шакманов, ингуш М. Куриев, чеченец А.-М. Б. Бадиев (от Парижского национального объединения). В Совете было оставлено четыре места для членов народной партии горцев Кавказа. Из-за кризиса в партии на тот момент существовало несколько конкурирующих групп. Президентом Совета стал К. Н. Хагондоков, вице-президентом — Султан Клыч Гирей.

Любопытно, что в 1930 г. в Париже была создана Кабардино-Балкарская партия кавказских конфедералистов, о чем мы узнали из документов, найденных в архиве Алимардана Топчибаши, которому

руководители партии, видимо, сообщили об этом событии. В архиве есть *Декларация КБПКК*, из которой понятно, что организация была создана эмигрантами-кабардинцами, проживающими в Париже. Цель партии — ведение борьбы за независимость Кабардино-Балкарии. Причем в Декларации подчеркивается, что Кабарда и Балкария, несмотря на этнические и языковые различия, *исторически связаны между собой*, «существуют вместе» [Топчибаши Алимардан: IX].

Кроме того, в Европе были северокавказские организации, которые отстаивали интересы Российской империи и Северного Кавказа как части империи. В Париже функционировала партия «Союз народов Кавказа». Она была образована в 1929 г. уже упоминавшимся выше М. Н. Абациевым. В 1920 г. в Константинополе была создана горская организация, которая своей целью ставила борьбу с большевизмом *вместе с казаками* — «Национальный Комитет освобождения горских народов Северного Кавказа» (НКОГНСК), в состав которого вошли: генерал Ф. Н. Бекович-Черкасский (представитель от Кабарды), В. Н. Гаджемукров (представитель Кубанских черкесов), генерал Я. Хабаев (от Осетии), генерал С. Мальсагов (от Ингушетии). Весь состав Комитета — крупные представители военной элиты Северного Кавказа, которые в течение многих лет состояли на российской военной службе (Гаджемукров).

В основу программы НКОГНСК вошли следующие положения: а) признание генерала Врангеля главнокомандующим; б) соблюдение полного нейтралитета по отношению к политике Антанты и Кемалистов; в) организация, при более благоприятных условиях, армии из турецких мухаджиров-выходцев с Северного Кавказа для движения на Кавказе против большевиков. Далее в тексте программы подчеркивалось, что «не преследуя никаких политических целей, Комитет является единственным представительным органом русских мусульман, находящихся за границей и признан как таковой генералом Врангелем». Таким образом, мы видим из этой коротенькой программы, что все члены НКОГНСК планировали вести в составе армии Врангеля борьбу за восстановление Российской империи и российской монархии, то есть за возвращение Северного Кавказа в состав Российской империи. Причем далее есть приписка: «В своей работе Комитет будет стремиться к объединению с антибольшевистскими силами и в особенности с *казаками*». И на первом этапе планировалось объединиться с Украинским национальным комитетом [Гаджемукров, Бабич 2011: 56].

Надо отметить, что особое влияние Российская империя оказала на западных адыгов, которые проживали совместно с кубанскими казаками в рамках Кубанской области. С одной стороны, они, как субэтнос адыгов, безусловно, тяготели к северокавказским народам вообще и к кабардинцам в частности, а с другой — за годы совместной жизни с кубанскими казаками западные адыги ощутили общность с ними, что

и оказывало влияние на их политические и национальные предпочтения на начальном этапе в эмиграции.

Внутри северокавказской политической эмиграции к концу 1920-х гг. возникли фундаментальные противоречия [Шамиль 1930: 3—4]. Появилось множество мелких горских организаций, которые не могли объединить северокавказцев даже в небольшие группы [Байтуган 1929: 8]. Б. Байтуган подчеркивал, что «никакой существенной идеологической *розни* между этими группировками и партиями нет. Нельзя к ним применять также и социальное мерило, ибо они не носят классового характера и не представляют какую-либо определенную социальную группу населения» [Байтуган 2001: 56].

К 1929 г. постепенно появилось и стало развиваться противостояние между СКД в составе А. Чермоева и Г. Баммата и Ассоциацией Северного Кавказа. Многие северокавказские лидеры к этому времени уже абсолютно не считались с Г. Бамматом, считая, что «никакими *особыми правами он не обладает*: обычный эмигрант», тогда как сам Г. Баммат рассматривает себя как «носителя идеи национального единства» [Байтуган 1930: 10]. Делегация Г. Баммата «не придает цены Национальному Совету и не хочет опираться на него в работе». Они ничего не имеют против Г. Баммата и готовы с ним работать. Но сам Г. Баммат не шел на уступки ради общих интересов и не считал нужным обсуждать с Национальным Советом свои важные политические шаги, в частности свои действия по разрыву отношений с грузинской делегацией. В течение 1929—1930 гг. Алимардан Топчибаши ²¹, приглашая к себе домой северокавказцев Г. Баммата, А. Кантемира и др., пытался примирить стороны как посредник, устраивая «примирительные встречи» [Топчибаши Алимардан: XIII—XIV].

В эти годы многие северокавказские лидеры испытывали разочарование в политической жизни в эмиграции вообще и в деятельности Г. Баммата в частности. В этом смысле очень примечательно письмо одного ингушского лидера — Магомета Джабаги ²², которое он отправил на имя Алимардана Топчибаши в апреле 1930 г. [Топчибаши Алимардан: V]. Магомет писал:

²¹ Топчибаши Алимардан — азербайджанец.

²² Джабаги Магомет Эльджиевич (1877—1937) — ингуш, сын полковника Российской армии, окончил реальное училище во Владикавказе и Политехнический институт в Риге, с 1905 г. находился на государственной службе, в 1911—1913 гг. был старшим губернским агрономом Ставропольской губернии, в 1912—1917 гг. — старшим агрономом по животноводству Терской, Кубанской и Донской областей, в 1911 г. стал коллежским асессором. Руководил Обществом просвещения ингушского народа, в 1917 г. стал членом Временного ЦК объединенных горцев, фактически был главой исполнительной власти в Ингушетии. В эмиграции жил во Франции.

У меня имеются факты, подтверждающие, что Бамматов пытается создать общегорское объединение на началах, выгодных *для его личных целей и интересов*, но вредных для интересов *горских народов*, в том числе и ингушского... Вот мое последнее заявление: возня с Бамматовым и Чермоевым мне уже надоела до тошноты. За 10 лет они ничего не сделали, хозяином горского дела в конце концов по вине Чермоева и Бамматова стали чуждые для нас, горцев, иноземные организации. С таким положением я не в силах мириться, не имею нравственного права... Если Бамматов в самое ближайшее время лично совместно со мною не обсудит вопрос о началах, на которых должна быть создана общегорская организация, то я буду вынужден принять меры к тому, чтобы Бамматов и компания оставили горское дело раз и навсегда. Причем неподходящих мер и средств против бамматово-хогандуковской компании в данном положении я не нахожу.

Эту информацию можно дополнить другим письмом Магомеда Джабагиева, которое он послал в Центральный Комитет НПК, датируется оно ориентировочно 1931 или 1934 г. В письме говорится следующее:

Считаю долгом заявить, что ни одна заграничная политическая организация, выдающая себя за общегорскую, не может представлять Ингушетию, если я сам своим личным участием не буду иметь возможность контролировать действия этой организации. Такое заявление меня вынуждает делать горький опыт прежней деятельности горских политических работников как на родине, так и здесь, за границей, за 13 лет нашего пребывания (*Яндиева*).

Алимардан Топчибаши внимательно отнесся к этому письму и предложил встречу между Магомедом Джабагиевым и Гайдаром Баммат при своем посредничестве, однако Г. Баммат отказался встречаться с Магомедом.

Б. Байтуган объяснял противоречия отсутствием среди горцев грамотных лидеров еще до революции. Он писал:

Кавказская интеллигенция за редким исключением, подошла к независимости, не ощущая ее настоятельной необходимости, не оторвавшись еще от разлагающих источников «общеимперских концепций». Объявление независимости в 1918 г. было скорее актом «конъюнктурного расчета», чем результатом продуманного и твердого, осознанного решения. На Кавказе до 1917 г. не было национально-освободительных организаций в настоящем значении этого слова... Даже партии в Закавказье — Мусават, грузинские партии хотели всего лишь автономии в рамках империи получить, а не независимость [Байтуган 1937: 21—22].

Другой кавказец добавлял:

В то время как у наших соседей на юге *национальное самосознание* эволюционировало, приобретая все более и более высшие формы, в то время как и среди грузин, и среди азербайджанцев и армян возникали политические партии, идеологически и организационно подготавливающие народные массы к восприятию идей, ими развиваемых, — *горцы продолжали пребывать при наследии, оставленном Имамами, постепенно и его теряя* (курсив. — И. Б.)... Идеология, унаследованная со времен Имамов, не могла уже во всей полноте охватить живые силы страны [Дебир 1930: 5—7].

Поэтому цель нынешних партий, в частности Народной партии горцев Кавказа, и была «организовать массы», однако в эмиграции северокавказцы разделились на тех, кто поддерживает *национальные идеи государственности*, и тех, кто поддерживает имперские власти, то есть «истинно русских» горцев, которые не принимают участия в сепаратистских движениях [Дебир 1930: 5—7].

Главной причиной отсутствия лидеров среди горцев было, по мнению северокавказцев, пагубное влияние России. А. Кундух отмечал, что произошло обрусение «национальной» горской интеллигенции дореволюционного периода, поэтому она не смогла помочь в национально-освободительной борьбе. Она оказалась оторвана от своей народной почвы [Кундух 1936: 20]. В. Оленин, русский уроженец Кавказа, сторонник независимости Кавказа, указывал, что «кавказская интеллигенция, получавшая образование в русской школе, воспитывавшаяся в постоянном общении с русскими, на русских литературных образцах, на русском театре, — естественно, воспринимала в очень значительной степени психологию среднего русского интеллигента, отражая его оценки, идеалы и устремления. Отрываясь от своей собственной родной почвы, она становилась интеллигенцией общероссийской, то есть беспочвенно-мечтательной, заменявшей практические задачи жизни, интересы своего местного территориального района разговорами о мировых социальных вопросах и благодетельствовании человечества» [Оленин 1935: 9].

В результате в конце 1930-х гг. многие кавказские деятели признавали неудачи в создании общекавказского движения в эмиграции. Профессор М. Церетели, эмигрант из Берлина, подчеркивал на страницах журнала «Кавказ», что «племенные и религиозные различия Кавказских народов препятствовали достаточно проявиться созданию их солидарности и родству интересов» [Церетели 1934а: 9—10]. Профессор указывал, что «не будем забывать, что у каждого из кавказских народов есть *собственное историческое прошлое, свои национальные традиции*. У каждого — свое собственное наследие, духовное и материальное, своя территория. Сближение наше требует осторожности, такта и взаимного уважения. Не будем настаивать на чрезмерных уступках» [Церетели 1934б: 5—7].

Говоря о кавказской консолидации, многие кавказские деятели к концу 1930-х гг. честно признавались, что не удалось создать даже политического объединения. Так, генерал Г. И. Квинитадзе подчеркивал, что «различные партии и группы собираются для обсуждения вопроса об объединении и не достигают цели, ибо каждая партия в общую программу вносит некоторые положения своей партии, неприемлемые для другой партии... И это будет до тех пор, пока партии не откажутся от своих программ... В нашем положении единение необходимо для освобождения своей страны от завоевателя и только от завоевателя. Для этого совершенно не нужны партии и их программы. К сожалению, люди охвачены партийным фанатизмом... здесь борьба сводится лишь к борьбе за власть, за детали режима, а не за родину... Достичь единения при существовании партий невозможно» [Квинитадзе 1935: 7—10]. Мир-Якуб Мехтиев, известный азербайджанский деятель, резюмировал деятельность по созданию Пактов о КК в Париже в 1920—1940-е гг.: «Пактов между собой мы заключали много, а толку было мало».

Таким образом, на практике, в реальной жизни, многие горские лидеры констатировали неработоспособность создаваемых в эмиграции политических объединений. Один из них указывал, что «стоит только, например, кому-либо отколоться на личной почве (других мотивов нет!) от данной своей национальной организации, как уже собирает вокруг себя „ударную группу“, чтобы начать поносить вчерашних своих соратников, называя их работу чуть ли не преступной; стоит только на свет появиться новому печатному органу наряду с уже существующими, как сейчас же сколачивается новая журнальная группа с новыми „преторианцами“ и начинается ядовитая и злобная полемика, не всегда, впрочем, искренняя в своих „возмущениях“» [Коста 1935: 9].

Анализ взглядов кавказцев-эмигрантов на существование кавказской и северокавказской идентичности и практику создания национальных организаций в европейской эмиграции показывает, что чувства национальной общности как среди кавказцев, так и среди северокавказцев — явление иллюзорное, и это одна из ключевых причин неудач в деле формирования политических объединений в европейской эмиграции. Северокавказская нация — это неосуществимая мечта и недостижимый идеал горских лидеров-эмигрантов.

Источники и литература

- Абадиев 1937: Абадиев М. Н. Доклад в РГО // Последние новости. 1937. 2 апр.
Аноним 1933: Аноним. О, Servum Pecus // ГК. 1933. № 41.

Бабич 2008: *Бабич И. Л.* Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В. А. Тишкова. М., 2008.

Бабич 2011: *Бабич И. Л.* Западные адыги и казаки: вместе и врозь в европейской эмиграции (1919—1930-е годы) // Кавказ и глобализация. М., 2011. № 3—4.

Байтуган 1929: *Байтуган Б.* Знаменательная дата // ГК. 1929. № 26.

Байтуган 1930: *Байтуган Б.* Народная партия как фактор в горском освободительном движении // ГК. 1930. № 25.

Байтуган 1932а: *Байтуган Б.* По поводу передовицы «Возрождения» // ГК. 1932. № 31.

Байтуган 1932б: *Байтуган Б.* Техника объединения // ГК. 1932. № 33.

Байтуган 1933: *Байтуган Б.* Имеем ли право на жизнь? // ГК. 1933. № 37.

Байтуган 1934а: *Байтуган Б.* Нужно ли это? // ГК. 1934. № 49.

Байтуган 1937: *Байтуган Б.* Историю творят люди // СК. 1937. № 38—40.

Байтуган 2001: *Байтуган Б.* Этапы развития национально-освободительного движения на Северном Кавказе // Исхаков И. «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // ВИ. 2001. № 5.

Баммат 1934а: *Баммат Г.* Политическое объединение // Кавказ. Париж, 1934. № 1.

Баммат 1934б: *Баммат Г.* Эхо лжи // Кавказ. Париж, 1934. № 12.

Баммат 1936: *Баммат Г.* Наша ориентация // Кавказ. Париж, 1936. № 35.

Бекович-Черкасский 1929: *Бекович-Черкасский Э.* «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // ГК. 1929. № 8—9.

Бигаев 1925: *Бигаев Н. А.* Горско-казачьему эмигрантскому студенчеству // Казачий всполох. Прага, 1925. № 1.

Билатти 1934: *Билатти Б.* Основы федеративного государства // СК. 1934. № 8.

Билатти 1935: *Билатти Б.* Нация и язык // СК. 1935. № 11—12.

Билатти 1937: *Билатти Б.* Национальный централизм — залог успеха // СК. 1937. № 35.

Василевский 1929: *Василевский Л.* Сепаратистское движение на Кавказе и Туркестане // ГК. 1929. № 2—3.

Гаджемукров: *Гаджемукров С.* Архив. Франция, Париж.

Дебир 1930: *Дебир.* Пути и итоги // ГК. 1930. № 19—20.

Дзагалов 2007: *Дзагалов А. С.* Владимир Кудашев в архивных источниках Украины и воспоминаниях киевского приват-доцента Николая Василенко // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Т. 5.

Джаван 1936: *Джаван.* Национальный централизм // СК. 1936. № 30.

Елекхоти 1929а: *Елекхоти Т.* Сепаратизм горцев и его корни // ГК. 1929. № 2—3.

Елекхоти 1929б: *Елекхоти Т.* Кавказ и Россия // Независимый Кавказ. Париж. 1929. № 2.

Елекхоти 1934: *Елекхоти Т.* Итоги 14 лет // Кавказ. Париж, 1934. № 13.

Жанай 1929: *Жанай.* Вопрос о межнациональных взаимоотношениях в Туркестане // Горцы Кавказа. Париж, 1929. № 2—3.

Кадзаев 1935: *Кадзаев З.* Хроника // СК. 1935. № 13.

- Каншав 1935: *Каншав Д-р*. Официальным языком должен быть местный язык // СК. 1935. № 11—12.
- Квинитадзе 1935: *Квинитадзе Г. И.* В единении сила // Кавказ. Париж, 1935. № 20—21.
- Коста 1934: *Коста*. Об общегосударственном языке // СК. 1934. № 2.
- Коста 1935: *Коста*. Недомыслие или «Вредительство» // СК. 1935. № 15.
- Кудашев 1936: *Кудашев В.* Заметки кабардинца // Кавказ (Le Caucase). Париж. 1936. № 28.
- Кундух 1936: *Кундух А.* К проблеме северокавказской нации // СК. 1936. № 28—29.
- Мусхелишвили 1934: *Мусхелишвили М.* Условия существования кавказского объединения // Кавказ. Париж, 1934. № 16.
- Нартан 1930: *Нартан (младший)*. Развитие общественной мысли у Горцев Кавказа // ГК. 1930. № 16.
- Нерсесян 1969: *Нерсесян В.* Некролог. Гукасов А. О. // Возрождение. 1969 г. № 215.
- Один из слушателей 1937: Один из слушателей. На докладе «милюковца» // СК. 1937. № 36.
- Оленин 1935: *Оленин В.* Кавказ и Россия // Кавказ. Париж, 1935. № 24.
- Топчибаши Аликбер: *Топчибаши Аликбер*. «Archives personnelles de A. Topchibasev». CERCEC. EHESS. par autorisation spéciale. Личный архив Аликбера Топчибаши. CERCEC. EHESS. По специальному разрешению. Франция. Париж. Папка III.
- Топчибаши Алимардан: *Топчибаши Алимардан*. «Archives personnelles de A. Topchibasev». CERCEC. EHESS. par autorisation spéciale. Личный архив Алимардана бека Топчибаши. CERCEC. EHESS. По специальному разрешению. Франция. Париж. Чемоданы I—XIII.
- Х. 1925: *Х.* Несколько слов о статье Б. Саламова // ГК. 1925. № 2—3.
- Халил 1934: *Халил М.* Ответ на статью А. Т. // СК. 1934. № 5—6.
- Хроника 1925: Хроника Союза // КГ. 1925. № 2—3.
- Хроника 1928: Хроника // ГК. 1928. № 1.
- Хроника 1933: Хроника // ГК. 1933. № 41.
- Хроника 1937: Хроника // СК. 1937. № 36.
- Чулик 1930а: *Чулик И.* Очерки Республики Горцев Кавказа // ГК. 1930. № 13—15.
- Чулик 1930б: *Чулик И.* Во имя предельной цели // ГК. 1930. № 16.
- Церетели 1934а: *Церетели М.* Открытое письмо Г. Б. Баммату // Кавказ. Париж, 1934. № 2.
- Церетели 1943б: *Церетели М.* Честь и права нации // Кавказ. Париж, 1934. № 5.
- Шамиль 1930: *Шамиль С.* Суть наших разногласий // ГК. 1930. № 25.
- Яндиева: *Яндиева М.* Личный архив.